

МОСКОВСКИЕ ШКОЛЫ В КАНУН И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ПОБЕДЫ

MOSCOW SCHOOLS ON THE EVE OF AND IN THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
THE SOURCE OF VICTORY

Волкова И.В.

Профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук

E-mail: wolkowa-irina@yandex.ru

Volkova I.V.

Professor at the Department of World and Russian History of the National Research University – “Higher School of Economics”, Doctor of science (History).

E-mail: wolkowa-irina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности государственных структур, органов народного образования и педагогического сообщества Москвы по воспитанию, обучению и подготовке старшеклассников к труду и обороне в предвоенный и начальный военный период. На основе архивных материалов воссоздаются подготовительные меры, предпринятые в канун войны, для жизнеобеспечения и реализации права детей на образование, восстанавливается конкретная картина реорганизации института школы в период битвы за Москву. Содержательное наполнение школьного образования анализируется с точки зрения мотивации исполнения воинского долга ее выпускниками.

Annotation. The article is devoted to the activities of the state institutions, the city department of education and the teachers of Moscow schools in the field of education and preparation of secondary school students for labor and defense on the eve and in the beginning of the Great Patriotic War. On the basis of archive documents the author reconstructs the preparatory measures, taken on the eve of the war to provide for the realization of children's right to education. The author restores the precise picture of the reorganization of school institutions during the Battle for Moscow. The author analyses the contents of school education from the point of view of motivation for military duty.

Ключевые слова: подготовка школьников к труду и обороне, реализация права детей на образование в военное время, мотивация воинского долга.

Keywords: preparing secondary school students for labor and defense, realization of children's right to education at the time of war, military duty motivation.

Как ни парадоксально, вопрос о вкладе советской школы в подготовку великой Победы не получил всестороннего освещения в отечественной литературе. И это невзирая на обилие источников в виде партийно-правительственных постановлений, приказов, решений, отчетов, протоколов заседаний и конференций и прочих документов органов народного образования, многочисленных свидетельств непосредственных участников, включенных в образовательный процесс и, наконец, художественных произведений о советской школе предвоенного и военного времени!

Между тем усвоенные в школе ценностные ориентации, нормы социального взаимодействия и разнообразные навыки имели определяющее значение для выпускников школ второй половины 1930-х – начала 1940-х гг., по большей части овладевавших военным ремеслом в ходе жесточайших сражений. Незаменимыми становились вынесенные из школы быстрая обучаемость новым ролевым функциям, умелая ориентация в незнакомой обстановке, способность к преодолению личных слабостей, концентрации усилий на поставленной задаче, чувство долга и ответственности за порученное дело и многое другое. Устойчивость к перегрузкам и тяготам войны определяли хорошая спортивная форма и первичная военная подготовка, полученные в период школьного обучения.

Теснейшую сопряженность между школьными знаниями, умениями и результатами ратного труда молодого бойца осознавали многие ветераны. Не случайно фронтовик и великий философ А.А. Зиновьев подобно О. Бисмарку, заявлявшему, что битву при Садовой в 1866 г. выиграл прусский школьный учитель, отмечал, что в Великой Отечественной войне победу одержал советский десятиклассник: «Во всем мире советская школа 1930-х годов была беспрецедентным явлением. Тогда удалось обучить миллионы людей. Причем советская школа не только давала хорошее образование, но и воспитание на основе образования. В результате в конце 1930-х армия стала пополняться молодыми людьми, имевшими среднее образование. Колоссально повысился интеллектуальный уровень призывников. Кроме того, была создана масса военных училищ и академий. С началом войны подготовка офицерских кадров пошла в ускоренном варианте. Вчерашние десятиклассники очень быстро становились командирами Красной армии. Часто более хорошими, нежели те, кто, не имея образования, давно служил в армии. Из числа вчерашних десятиклассников стали рекрутироваться кадры для штабов, разведки. Ведь одной из причин поражения фашистской Германии стал возникший в ходе войны дефицит офицерского состава. А наша армия, несмотря на огромные потери, дефицита в командном составе и штабных работниках не испытывала» [3, http://www.theunknownwar.ru/velikuyu_otchestvennyuyu_vojnu_vyiigral_sovetskij_desyatiklassnik.html].

В связи с постановкой главной проблемы следует заметить, что советские старшеклассники могли ощутить близкое дыхание войны и психологически к ней подготовиться, пожалуй, раньше иных категорий населения страны. Поворот школы к запросам военного времени начался задолго до нападения немецко-фашистских захватчиков. Интересно, что сразу же после подписания пакта Молотова – Риббентропа, который как будто бы отодвинул угрозу войны от западных границ СССР, приказом Мосгорона от 28 августа 1939 г. с 1 сентября того же года в школах учреждались постоянные штатные должности военных руководителей. Ежемесячные ставки заработной платы им начислялись в зависимости

от количества обучаемых. При численности учеников до 800 человек – 125 руб.; от 800 до 1000–150 руб.; от 1000 до 1500–175 руб.; от 1500 и более – 200 руб.

Для повышения качества работы этих наставников юношества при Мосгороно проводились методические семинары. В частности, такой всеобщий сбор проходил в Москве с 30 мая по 5 июня 1940 г. – для участия в нем военруки на неделю освобождались от обязанностей по основному месту работы.

Аналогичные экспресс-курсы по методической проработке нового комплекса «Готов к обороне СССР» в начале 1940 г. вводились для учителей физкультуры. Весной и летом 1940 г. под их руководством была проведена сдача норм ГТО школьниками-допризывниками. О серьезности этого смотра физической подготовки юношества свидетельствовал приказ Мосгороно от 20 мая 1940 г., устанавливавший персональную ответственность каждого школьного директора за сдачу норм на значок ГТО его подопечными [13, лл. 2, 40, 61–61 об.].

Кроме того, в районах действовали школы допризывников. На протяжении 1940 – первой половины 1941 гг. руководство городской системы образования принимало энергичные меры, чтобы обеспечить обучение в них 100 процентов учащихся 9–10-х классов. Мониторинг текущей работы с допризывниками осуществлялся посредством проведения межшкольных оборонных соревнований с вручением переходящего приза школе-победительнице и премированием ее военрука, а также путем периодических проверок [13, лл. 57, 64].

Итоги некоторых проверок становились предметом тщательного разбирательства. В частности, сплошная проверка допризывников, проведенная в первом полугодии 1940/1941 учебного года силами Мосгороно и городского военкомата, стала поводом для серьезных нареканий и выявила ряд недостатков, требовавших оперативного исправления. В обобщающем приказе Мосгороно от 9 января 1941 г. указывалось на формальное отношение к постановке физического воспитания, отсутствие самостоятельных спортивных кружков и секций и неудовлетворительные результаты по сдаче норм БГТО и ГТО в ряде школ. Отстающим школам предписывалось уделить первостепенное внимание подготовке учеников к состязаниям на получение значков ГТО, ГСО, ПВХО, развернуть внутришкольные спортивные соревнования, а также с помощью шефских организаций и родителей наладить деятельность секций по лыжам, гимнастике, спортивным играм.

Но и это еще далеко не все. Всем без исключения военрукам и физкультурникам вменялось в обязанность во втором полугодии организовать лыжные кроссы, занятия по стрельбе, строевой подготовке и топографии, а также подготовить школьников к участию в учебной игре «На штурм», итоги которой предстояло разобрать на педсовете. Отдельный пункт приказа требовал от военруков самым основательным образом проштудировать с учащимися первый раздел программы допризывной подготовки «Красная армия и военно-морской флот». Администрации школы – директору и завучу – поручалось взять под личное наблюдение изучение этого раздела, обеспечив выход на высокий идейно-политический уровень [10, лл. 3–3 об.].

Императивный тон приказа не оставлял сомнений в предстоящем усиленном контроле его исполнения. С начала 1940 г. в военную подготовку вовлекался и директорский корпус: множественные приказы с пофамильными списками директоров, хранящиеся в фондах Мосгороно и районных отделов народного образования, свидетельствуют об ин-

тенсивном недельном курсе противовоздушной обороны, на который с отрывом от основной работы направлялся каждый из московских директоров. Последний приказ такого рода, требовавший явки группы школьных руководителей на обучение 25 июня 1941 г., был издан 21 (!) июня [13, л. 69].

10 июня 1941 г. по приказу Мосгороно и штаба противовоздушной обороны Московского военного округа в каждом районе столицы создавались комиссии по проверке состояния бомбоубежищ – им предписывалось по результатам работы составить и сдать акт не позднее 25 июня. Этим комиссиям предстояло также провести подробный инструктаж директоров школ и завхозов по содержанию и эксплуатации убежищ, прежде всего по правильному использованию фильтро-вентиляционных установок [11, л. 9]. 16 июня 1941 г. вышел приказ Мосгороно при городском отделе образования о формировании группы самозащиты. Значение этих превентивных мер, хотя и хлопотных для школьных работников, трудно переоценить. Благодаря им, с одной стороны, создавался крепкий резерв призывников, способных встать под ружье и заменить уничтоженный за первые месяцы войны кадровый костяк армии. С другой стороны, это был организационный задел, необходимый для спасения и обустройства жизни детей и подростков в условиях военного времени.

Отработанная модель взаимодействия со школами позволила органам городского управления и народного образования быстро и эффективно перевести свое немалое «хозяйство» на рельсы военного времени. Следует отметить, что органы, отвечающие за охрану детства, работали четко и слаженно, в том числе и осенью 1941 г., когда среди горожан нарастали панические настроения, а работа многих организаций откровенно разваливалась. Практически с первых дней войны началась перестройка детских оздоровительных учреждений, в которых проводили летние каникулы московские школьники (санаториев и пионерских лагерей), расположенных в удаленных от театра военных действий регионах. Постановлением Исполкома Моссовета от 12 июля 1941 г. они переименовывались в интернаты и пополнялись эвакуируемыми из города детьми. В каждый район размещения домов-интернатов направлялся постоянный уполномоченный соответствующего райисполкома, в обязанности которого входили расселение детей, доставка привезенного оборудования и инвентаря, снабжение продуктами питания.

При норме расходов на одного учащегося в 210 руб. в месяц на содержание ребенка с родителей взыскивалась сумма с учетом дохода семьи. При доходах на одного члена семьи до 100 руб. такой ежемесячный взнос составлял 55 руб., до 150 руб. – 110 руб., до 200 руб. – 175 руб., при более высоких доходах – 210 руб. Недостающие средства доплачивало государство. Так, на оплату труда педагогов и воспитателей, обслуживающего персонала, закупку продуктов и другие необходимые расходы было единовременно выделено 1950 тыс. руб. бюджетных средств. Среднесуточный рацион ребенка предусматривал 0,3 л молока, 60 г мяса, 30 г творога, 20 г животного масла, 100 г крупы, 0,4 г чая, 50 г сахара, 2 г кофе, 300 г черного хлеба, 200 г белого хлеба, 300 г картофеля, 200 г овощей. Разумеется, в условиях тотального дефицита, связанного с разрухой, оккупацией аграрных районов страны, обеспечить полную норму выдачи продуктов было практически невозможно. При разрыве хозяйственных связей многих регионов и налаженных путей поставок необходимых товаров возникали серьезные проблемы и с предметами повседневного обихода.

Яркую картинку обустройства вывезенных из Москвы детей на новом месте рисует протокол заседания Мосгорно от 20 декабря 1941 г., посвященного обсуждению результатов эвакуации детских учреждений. Так, на этот момент в 13 районах Московской и 17 районах Молотовской (Пермской) областей было размещено 129 интернатов и 13 детских домов с общим количеством учащихся 11 280 человек. Ввиду угрожающей обстановки, складывающейся рядом с Москвой, подавляющее большинство детей направлялись в Молотовскую область.

Первые партии прибыли туда 1 ноября, последние – в первых числах декабря. Средняя наполняемость интернатов составляла 55–70 человек, самый большой вместил 195 человек. Обычное расстояние от здания интерната до железной дороги составляло 30 км. Причина столь большой удаленности состояла в том, что к моменту приезда москвичей ближайшие к железнодорожным станциям населенные пункты оказались занятыми детьми и педагогами, спешно переброшенными из Киева, Ленинграда, Харькова и других крупных городов, первыми принявших на себя удар противника. Невыгодное месторасположение обуславливало необходимость доставки продуктов питания и других товаров от станции к интернату на подводах. При штате педагогов и хозяйственного персонала, установленном в расчете 11 человек на 100 детей, подобная удаленность оборачивалась дополнительной тяжелой повинностью для и без того загруженных школьных работников. По отчетам с мест, продукты питания – хлеб, картофель, молоко – закупались на колхозных рынках вблизи железнодорожных путей, а затем на подводах доставлялись в интернат. Остро ощущалась нехватка мыла, поэтому после месячного пребывания в пути многие дети покрывались вшами. Тем не менее, по сообщениям педагогов, у детей было хорошее настроение, и все стремились продолжить учебу [12, л. 52].

Всегда ли гладко складывалось пребывание детей на новом месте жительства? Безусловно, предупредить все возможные эксцессы и даже несчастные случаи в кругу подростков, порой буйных, даже под бдительным надзором педагогов было крайне трудно. Так, например, 13 сентября 1942 г. чистопольский интернат, в котором находилось много детей писателей, потрясла страшная трагедия. Интернатские ребята, проходившие в местном военкомате занятия по военной подготовке, нашли неподалеку от него снаряд с клеймом 1923 г. Приняв его за учебный, они решили испытать его на прочность, молотя по нему руками и ногами. Через несколько минут раздался сильный взрыв, унесший жизнь тринадцати подростков. Несмотря на крайне сложную обстановку на фронте – в преддверии нашего контрнаступления под Сталинградом – из Москвы расследовать этот случай прибыли высокие начальники. Разумеется, за недосмотр воспитатели были наказаны по суровым законам военного времени [7, с. 148].

И все же говорить о сколько-нибудь значительной распространенности ситуаций, чреватых детским травматизмом и смертностью, было бы ошибочным. Во-первых, потому, что органы управления народным образованием сразу и недвусмысленно указали педагогам на предельную степень ответственности, ложившейся на них в связи с переходом детей, отлученных от родителей, в их полное распоряжение. В этом отношении показательным являлся случай с молодой учительницей Шварц из 25-й школы Фрунзенского РОНО, которую в начале июля отправили в Скопинский район Рязанской области с группой уча-

щихся начальных классов. Как сообщалось в приказе РОНО от 17 июля 1941 г., 8 июля педагог допустила непростительную оплошность: сама улеглась загорать на берегу, а детей отпустила купаться на реку без присмотра. Купание завершилось тем, что один из первоклассников стал тонуть, потерял сознание и был возвращен к жизни путем применения искусственного дыхания. Несмотря на относительно счастливый финал этого происшествия, нерадивая учительница понесла тяжкое наказание: приказом заведующей РОНО она была уволена с работы с формулировкой «за преступно-беспечное отношение к выполнению своих обязанностей по контролю над детьми, что повлекло за собой опасность потери ребенка». Шварц была привлечена к судебной ответственности по законам военного времени, а сам прецедент приказом той же заведующей РОНО был доведен до сведения всех учителей и воспитателей района [14, л. 10]. Вероятно, широкая огласка этой истории внутри педагогического сообщества была оправданна: молодых и неопытных специалистов она предостерегала от иллюзий, что промахи в работе с детьми спишет война.

Правда, если такие напоминания и были необходимы, то для ничтожного процента педагогов: сам факт массовой эвакуации детей с согласия и разрешения родителей лучше любых статистических показателей говорил о полном доверии к профессиональным и человеческим качествам учителей. Действительно, те выполняли свой долг в тылу с самоотверженностью, сопоставимой с героизмом на передовой. Вот вполне типичный пример действий учительницы математики из 110-й московской школы (находилась рядом с Никитскими воротами) Веры Акимовны Гусевой. Блестящий математик и методист, при этом далекий от административных дел, она встала во главе интерната, когда учителя-мужчины, включая директора И.К. Новикова, ушли на фронт.

Несмотря на отсутствие опыта управления большим коллективом детей и коллег, она сразу умело и рачительно организовала жизнь в уютном, холодном помещении интерната в селе Панино Горьковской области. Регулярно эта хрупкая женщина, прозванная учениками «молекулой» за малый рост, отправлялась за двадцать километров пешком по зимней стуже в райцентр Сосновское, чтобы получить причитающиеся интернату денежные средства, продуктовые карточки. Она первой включалась в работу по подвозу воды, вскапыванию огорода, заготовке сена для интернатской лошади и т.п., увлекая своим примером не всегда сознательных подростков. И все это обходилось без окриков, понуканий и нудных нравоучений! «За все два года только одному Жене Салову мы поставили дощечку на кладбище в Павлове; он умер в больнице от туберкулеза. Вера Акимовна спасала наши жизни и наши души от безверия, равнодушия, от очерствения», – вспоминал ее ученик и питомец Е. Шукин, ставший впоследствии крупным ученым [15, с. 430–431].

Если вывезенные из Москвы дети продолжали учебу в школах и интернатах в местах эвакуации, то оставшиеся по тем или иным причинам в столице 150 тыс. школьников с началом учебного 1941/1942 г. оказались в более сложном положении [5, с. 200]. Еще 13 сентября 1941 г. Мосгоронориентировало учительский контингент на открытие учебного года с 15 сентября для специальных – артиллерийских и военно-морских школ, а также для учащихся 10-х классов общеобразовательных школ [9, л. 8].

Однако угрожающие сводки вестей с фронта, массовая эвакуация предприятий, учреждений, включая детские, неопределенность положения столицы и нарастающая в свя-

зи с этим нервозность горожан фактически свели на нет этот план. В начале ноября работников школ увольняли по сокращению штатов с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного заработка. Эту участь разделили и отозванные в августе из отпусков директора школ. Правда, последние не отпусkaliсь на все четыре стороны, а переводились на положение комендантов школьных зданий и с помощью маленького аппарата, состоявшего из пожарника, истопника и дворника, обеспечивали сохранность здания и школьного имущества. Сорванный учебный год, простаивающие пустые школьные здания и фактически безработные учителя в течение первого полугодия 1941/1942 учебного года – все это ознаменовало самую черную полосу в истории московского среднего образования.

Но и в этих обстоятельствах руководители школьного образования предпринимали отчаянные попытки к тому, чтобы удержать под контролем массу безнадзорных ребят. По поводу участвовавших в городе краж, случаев хулиганства с участием подростков били тревогу Наркомат просвещения и Московский городской совет. Поэтому в ноябре 1941 г. отдел народного образования Москвы принял решение о развертывании внешкольной воспитательной работы с детьми и возобновлении деятельности фильмотек [11, л. 119].

Дальнейшей активизации работы со школьниками содействовал Приказ Исполкома Моссовета за подписью его председателя В. Пронина, утвержденный 27 декабря 1941 г., то есть практически в момент выявившегося исхода битвы за Москву. В Приказе были определены организационная база и направленность работы педагогов со школьниками. В частности, перед исполкомами районных советов и РОНО ставилась задача в 15-дневный срок расконсервировать 280 детских баз и форпостов при домоуправлениях и школах.

Обязательным условием открытия такого пункта называлось наличие бомбоубежища. Московскому жилищному управлению во главе с его начальником Бронером предписывалось в 10-дневный срок устроить при домоуправлениях не менее 200 катков, 700 снежных горок, обеспечив эти места активного отдыха необходимым инвентарем – лыжами, коньками, санями. Педагоги, организующие культурно-массовую работу при домоуправлениях, красных уголках, бомбоубежищах, ставили своей задачей воспитание в детях любви к родине, ненависти к фашистским захватчикам, развитие в своих подопечных физкультурных и оборонных навыков [9, л. 9].

Большую помощь в организации таких очагов культурно-массовой работы оказывали и оставшиеся в городе некоторые преподаватели вузов. Характерен в этом отношении специальный приказ заведующей Фрунзенского РОНО, которым объявлялась благодарность доцентам МГПИ им. Ленина Е.А. Флериной и Н.А. Метлову за «самоотверженную большую художественную и воспитательную работу, проводимую в течение ряда месяцев 1941–1942 гг. с детьми Фрунзенского района» [9, л. 203].

Невзирая на череду военных поражений весны – лета 1942 г. (под Харьковом, Керчью, Севастополем, Ростовом-на-Дону), усиливших тревогу и страх за судьбы страны среди гражданского населения, московские городские власти и педагогическое сообщество предпринимали настойчивые попытки к тому, чтобы обеспечить будущее подростков, вверенных их попечениям.

С начала 1942 г. возобновили работу районные школы допризывников и Дома пионеров, где интенсивно шло комплектование педагогических штатов. А с конца января

1942 г. в районах начали открываться консультационные пункты, в которых школьники под патронажем двух – пяти педагогов-предметников могли экстерном пройти положенную программу и подготовиться к сдаче летних экзаменов. Этот заменитель полноценной школы предназначался, в первую очередь, для подростков старшего школьного возраста, которые трудились на производстве, и тех, кто принимал участие в работе производственных мастерских и комбинатов, также помогавших снабжению действующей армии.

С марта 1942 г. сеть и объем деятельности таких учебных центров значительно расширились. Предметы, по которым проводилась подготовка, теперь подразделись на циклы, то есть были обеспечены более полной учительской поддержкой, а к каждому консультационному пункту прикреплялся директор и завуч от школ соответствующего района.

В мае 1942 г. приказами роно были составлены списки педагогов, назначенных для проведения предметных экзаменов среди учащихся-экстернов [14, лл. 115, 120, 150, 180]. Возможность продолжить учебу, хотя бы и в нестандартном относительно мирного времени формате, безусловно, была подарком московских властей и учителей детскому населению города. Его ценность, с одной стороны, определялась достигнутой непрерывностью учебного процесса, который позволял подростку, удерживавшему в памяти пройденный до войны курс обучения, в текущем режиме легко усваивать программу своего возрастного класса.

Как знать, сохранилась бы эта способность восприятия и даже готовность сесть за парту после перерыва в учебе на год или более? Более того: в самый отчаянный период войны, когда стрелка весов истории еще колебалась между победой и поражением СССР в смертоносной схватке с фашизмом, учительское сообщество реальными делами и поступками обеспечивало конституционное право каждого ребенка на получение среднего образования. С другой стороны, включенность детей, в особенности опасного переходного возраста, в систематическую учебную и внешкольную культурно-массовую работу с очевидностью уберегла многих из них от приобщения к криминальным субкультурам улицы и скатывания к асоциальному образу жизни.

Летом 1942 г. районные отделы народного образования занялись формированием детских бригад для работы на колхозных полях и огородах. Эта миссия рассматривалась как «помощь родине в борьбе за урожай» и одновременно как некоторая материальная и продовольственная помощь недоедавшим детям.

Так, например, согласно приказу Фрунзенского РОНО от 18 июля 1942 г. каждый пионерский форпост района выделял для работы в колхозе «Коллективный труд» по две бригады школьников в возрасте от 10 лет и старше численностью в 20 человек. К каждой бригаде прикреплялся педагог-воспитатель, в обязанности которого входили организация работ и отдыха детей, учет их труда, производство взаимных расчетов с колхозом, соблюдение предписанных нормативов детского труда. Занятость каждого ребенка не должна была превышать трех дней в неделю, а продолжительность рабочего дня – шести часов (с 7 до 13). Выполненная работа вознаграждалась денежной платой в размере двух третей заработной платы и натуральным овощным пайком в размере одной трети заработка [14, лл. 199 об. – 201 об.]. Для многих бедствовавших семей эта добавка к бюджету явилась ощутимым подспорьем.

Таким же образом на протяжении лета 1942 г. проходила отправка средних и старших школьников в другие совхозы и колхозы Московской области. Вовлекая своих питомцев в общественно-полезный труд, руководство системы образования ни на минуту не забывало о защите их здоровья и безопасности: систематически в места их пребывания откомандировывались сотрудники РОНО, чтобы обследовать условия размещения школьников, проверить соблюдение оговоренных условий труда, а также передать послышки от родителей. Характерна и другая деталь летней занятости московских педагогов: приказами районных отделов образования работники Дома пионеров и некоторых форпостов в целях улучшения рациона детей в область снаряжались группы для сбора грибов, ягод и лечебных трав [14, л. 208]. Благодаря этим заботам опаленное войной детство не превращалось в сиротство и отверженность. Несовершеннолетние граждане страны, ставшие заложниками войны, не только не выпадали из процесса социализации и обучения, но и вносили свою лепту в дело разгрома врага. Многие из воспитанников, не дожидаясь повестки из военкомата, вставали в ряды защитников родины.

Без сомнения, не менее мощное влияние, чем военно-спортивная и воспитательная работа школьных и внешкольных педагогов, **на формирование социально-психологических установок фронтового поколения оказывали структура и направленность школьного образования предвоенного времени.** Прежде всего, это касалось предметов гуманитарного цикла. Празднование юбилейных дат русской истории – 100-летней годовщины гибели А.С. Пушкина, 125-летия Бородинской битвы в 1937 г., 125-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова в 1939 г., 700-летия Невской битвы в 1940 г. – на школьных площадках наряду с аренами городского и общесоюзного масштаба, закладывало сознание принадлежности к единому историко-культурному полю.

Эти события питали чувство патриотической гордости школьников вне зависимости от национального происхождения, места проживания и прошлого семьи. Военно-патриотическая тематика широко включалась в школьные курсы истории и литературы. Она пронизывала новый учебник по истории СССР авторского коллектива историков из МГПИ им. Ленина во главе с А.В. Шестаковым, прошедший серьезную апробацию за 1934–1937 гг. в научных и педагогических коллективах и высоких государственных инстанциях. В октябре 1937 г. он вышел массовым тиражом и был введен в учебный процесс.

Идее преемственности прошлого, настоящего и будущего, осознанию высочайших взлетов отечественной общественной мысли и культуры на фоне мировых образцов служили изданные и переизданные в канун войны труды В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других русских историков. Они широко использовались в преподавании в старших классах школы и вузах СССР [1, с. 110]. Эффективность увеличивали проводившиеся викторины и конкурсы по исторической тематике, литературные сочинения, посвященные наиболее интересным и захватывающим эпизодам крупных военных кампаний отечественной далекой или недавней истории [6, с. 198].

Аксиологически выделенное – в русле санкционированной свыше идеологии государственного патриотизма – изучение героики отечественного прошлого и культурного наследия, не заслоняло, однако, панорамы мировой истории, которая составляла значительную часть знаний, вынесенных большинством выпускников советской школы конца 1930-х – на-

чала 1940-х. Такой результат достигался, главным образом, стараниями педагогов, являвшихся в большинстве своем высококвалифицированными специалистами и энтузиастами своей профессии. Правда, неизбежная в тех условиях идеологизация истории вела к смещению фокуса складывающихся представлений в сторону борьбы за свободу, права и просвещение угнетенных масс человечества. «Героями нашей юности, – вспоминал А.А. Зиновьев, выпускник 1939 г., – становились люди вроде Спартака, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Пугачева, Разина, декабристов, народников и, само собой разумеется, большевиков» [4, с. 90]. В этой системе координат коммунистический строй воспринимался и как плод длинной череды исторических битв масс под предводительством вождей, и как закономерный итог социалистического созидания в СССР, к которому готовился и каждый школьник.

В связи с этим выскажем предположение: идеи социального утопизма становились предметом искренней и истовой веры поколения предвоенных старшекласников не только и не столько в результате воздействия официальной пропаганды, сколько вследствие того, что они находили себе опору в реальной школьной атмосфере. Последняя и в самом деле была наполнена увлекательным познанием, творчеством, товариществом, доброжелательностью и заботой о детях, поддерживаемой на всех уровнях – от высшей государственной власти до учительского сообщества. **Вне всяких сомнений, школа являлась лучшим советским проектом второй половины 1930-х гг.** По признанию А. Зиновьева, именно благодаря ей годы тяжелых бытовых условий, политических репрессий и несвободы оказались для его поколения самыми «светлыми по иллюзиям и по надеждам» [4, с. 89].

Оборотной стороной подобного воспитания становилась деятельная нетерпимость к проявлениям социальной, расовой, национальной дискриминации и прочим порокам, отклонявшимся от идеальной модели общества, которая закладывалась в сознании подрастающего поколения. В этой системе убеждений вторжение фашистских орд, вдохновляемых расовыми человеконенавистническими теориями, осмысливалось вчерашними школьниками не только как посягательство на территорию и суверенитет народов своей страны, но и как дерзкий вызов великим гуманистическим традициям, которые претворял на практике СССР.

Независимо от официальных оценок война с фашизмом этим поколением воспринималась как вселенская схватка самых высоких и самых низких человеческих устремлений. Вот, например, как запечатлел эту мысль в своем дневнике Лев Федотов, девятиклассник 19-й школы, живший в Доме правительства на Берсеневской набережной: «Очень прискорбно видеть, что в данное время силы науки работают на уничтожение человека... Но уж когда будет разбит последний реакционный притон на Земле – тогда воображаю, как заживет человечество! Хотелось бы мне, черт возьми, дожить до этих времен! Коммунизм – великолепное слово! Как оно замечательно звучит рядом с именем Ленина! И когда поставишь рядом с образом Ильича палача Гитлера... Боже! Разве возможно сравнение? Это же безграничные противоположности: светлый ум Ленина и какая-то жалкая злобная мразь, напоминающая... да разве может Гитлер что-нибудь напоминать? Самая презренная тварь на Земле способна казаться ангелом, находясь рядом с этим отпрыском человеческого общества» [8, с. 10].

Нашествие гитлеровцев вызывало узнаваемые и ожидаемые реакции у воспитанников советской школы, запрограммированные всей системой подготовки. Прежде всего,

готовность к незамедлительному личному участию в отпоре врагу вплоть до самопожертвования. Эта позиция как единственно возможная провозглашалась в письме-завещании ученика 110-й московской школы Юрия Дивильковского, написанном 2 марта 1942 г., за два года до предчувствованной им гибели: «В своей среде мы уже видели мыслителей, поэтов, которые должны были положить начало культуре будущего, культуре коммунизма. Но жизнь внесла свои коррективы. Грянула война. И мы поняли, что было нашей исторической задачей. Мы пошли в бой, зная, что погибнем, утверждая тем самым ту красоту, то будущее, которое не успели создать» [2, с. 374–375].

Правда, к этому высокому идейному побуждению противостояния фашизму в частных письмах юных фронтовиков добавлялся, а нередко звучал самостоятельно, более камерный и личный мотив, объяснявший уход на фронт еще до получения повестки из военкомата – веление долга, хотя корни и содержание этого посыла, как правило, не осознавались самими субъектами [2, с. 365].

Однако с большой исторической дистанции в таком понимании долга нетрудно разглядеть первичный смысл, отраженный в словаре Ожегова, – взятое на себя добровольное обязательство по возврату некоего полученного блага. Нет необходимости доказывать, что такое полученное благо и вытекавшие из него обязательства для вчерашнего школьника, прежде всего, относились к плодотворной деятельности старших наставников и государственных структур, создавших одну из лучших в мире инфраструктур школьного обучения и воспитания и защищавших интересы детства при любых обстоятельствах своего времени.

Список литературы

1. *Вдовин, А.* Подлинная история русских. XX век / А. Вдовин. – М., 2010.
2. *Голямина, И.* Они стремились на фронт (юноши 110-й школы имени Ф. Нансена) / И. Голямина // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. II. – М., 2009.
3. Великую Отечественную войну выиграл советский десятиклассник: интервью О. Назарова с А. Зиновьевым // Неизвестная война: информационно-исторический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theunknownwar.ru>.
4. *Зиновьев, А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца / А. Зиновьев. – М., 2000.
5. *Киселев, А. С.* Быт военной Москвы / А. С. Киселев, А. Н. Пономарев // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. – М., 2001.
6. *Костякова, И.* История нашего класса (настоящие «Дети Арбата», или самые диалектические) / И. Костякова // Сто десятая: сборник / под ред. В. Потресова. – М., 2009.
7. *Левина, Е.* От Клязьмы до Камы / Е. Левина // Странники войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / сост. Н. Громова. – М., 2012.
8. *Федотов, Л.* Дневник. Тетрадь XV. С. 10 // РГАЛИ. Фонд Л.М. Рошаля.
9. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 528 (Московский городской отдел народного образования), оп. 1, ед. хр. 795.
10. ЦАГМ. Ф. 528, оп. 1, ед. хр. 796.

11. ЦАГМ. Ф. 528, оп. 1, ед. хр. 797.
12. ЦАГМ. Ф. 528, оп. 1, ед. хр. 798.
13. ЦАГМ. Ф. 1023 (отдел народного образования Ленинского района Москвы), оп.1, ед. хр. 7.
14. ЦАГМ. Ф. 1023, оп.1, ед. хр. 10.
15. *Шукин, Е.* Светлой памяти моих учителей / Е. Шукин // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. – М., 1997.

Spisok literatury

1. *Vdovin, A.* Podlinnaia istoriia russkikh. KhKh vek / A. Vdovin. – М., 2010.
2. *Goliamina, I.* Oni stremilis' na front (iunoshi 110-й shkoly imeni F. Nansena) / I. Goliamina // Arbatskiĭ arkhiv. Istoriko-kraevedcheskiĭ al'manakh. Vyp. II. – М., 2009.
3. Velikuiu Otechestvennuiu voĭnu vyigral sovetskiĭ desiatiklassnik : interv'iu O. Nazarova s A. Zinov'evym // Neizvestnaia voĭna : informatsionno-istoricheskiĭ portal [Ėlektronnyĭ resurs]. – Rezhim dostupa: <http://theunknownwar.ru>.
4. *Zinov'ev, A.* Russkaia sud'ba. Ispoved' otshchepentsa / A. Zinov'ev. – М., 2000.
5. *Kiselev, A. S.* Byt voennoĭ Moskvy / A. S. Kiselev, A. N. Ponomarev // Ėtot protivorechivyi KhKh vek. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia akademika RAN Iu.A. Poliakova. – М., 2001.
6. *Kostiakova, I.* Istoriia nashego klassa (nastoiashchie «Deti Arbata», ili samye dialektycheskie) / I. Kostiakova // Sto desiataia : sbornik / pod red. V. Potresova. – М., 2009.
7. *Levina, E.* Ot Kliaz'my do Kamy / E. Levina // Stranniki voĭny. Vospominaniia detei pisatelei. 1941–1944 / sost. N. Gromova. – М., 2012.
8. *Fedotov, L.* Dnevnik. Tetrad' XV. S. 10 // RGALI. Fond L.M. Roshalia.
9. Tsentral'nyiĭ arkhiv goroda Moskvy (TsAGM). F. 528 (Moskovskiĭ gorodskoĭ otdel narodnogo obrazovaniia), op. 1, ed. khr. 795.
10. TsAGM. F. 528, op. 1, ed. khr. 796.
11. TsAGM. F. 528, op. 1, ed. khr. 797.
12. TsAGM. F. 528, op. 1, ed. khr. 798.
13. TsAGM. F. 1023 (otdel narodnogo obrazovaniia Leninskogo raiona Moskvy), op.1. ed. khr. 7.
14. TsAGM. F. 1023, op.1, ed. khr. 10.
15. *Shchukin, E.* Svetloĭ pamiati moikh uchitelei / E. Shchukin // Arbatskiĭ arkhiv. Istoriko-kraevedcheskiĭ al'manakh. Vyp. 1. – М., 1997.